

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА ЮРТЫ

ПЕРВЫЙ раз в прилетел в Кызыл осенью сорок пятого года. Тува отмечала тогда первую годовщину присоединения к СССР. Улицы были запружены народом. Из районов прискакали на низкорослых лошадках араты в расшитых национальных халатах и причудливой обуви с загнутыми вверх носками. Мы шли по центральной улице, любуясь ее кумачовым убранством. И вдруг увидели за углом юрту — настоящую юрту из войлока и бересты. Тонкая железная труба сыпала искры: в юрте, вероятно, готовили ужин.

Цинкограф Жена Смирнова, только что приехавшая из Москвы, удивилась: как это живут в таком примитивном, неудобном жилище? Наши друзья-тувинцы, смеясь, объяснили, что в юрте обитает старик-сторож областного музея, который ни под каким видом не хочет переселяться в новый дом.

Прошли годы — полтора десятка лет. И снова, пролетая над Саянским хребтом, я жадно смотрел вниз. Сверху таежные деревья — стройные, богатырские — казались низкорослым кустарником, потом травой-муравой, чуть погуще, потемнее, чем зеленые ковры между массивами пашен. Енисей, спускался с гор, распался на огненно-белые рукава. Они извивались, будто искали друг друга, чтобы слиться в единый могучий поток. Сказочно прекрасная природа та же, что и пятнадцать лет назад. А что нового произошло в жизни людей далекого края?

Почти на том же месте в Кызыле я увидел юрту. Ее дверца, обитая обрезками шкур, была открыта настежь.

Но никто не вышел из юрты. В открытую дверцу виднелся мерцающий камелек. Пахло клеєм и краской, а на месте очага оказалась замаскированная электрическая лампочка. Безжизненный чум обрел свою последнюю стоянку в зале областного краеведческого музея.

В ЧАА-ХОЛЕ, в двухстах километрах от Кызыла, нет башенных кранов. Однако строят здесь по местным масштабам много и быстро.

Ираида Бурун-оол, знаменитый в районе штукатур, выходя из помещения ремонтируемой библиотеки, весело крикнула ребятам:

— Ча, зштар! (Ладно, товарищи!).

Как заметно изменилась интонация часто употребляемого слова. Теперь это уже не безразличное «ча», какое мне доводилось когда-то слышать от стариков, а радостно-приподнятое, выражающее готовность сделать, пойти, помочь, принять участие.

Далеко вперед шагнула Тува, ее талантливейший трудолюбивый народ! Трудящиеся Тувы, умножая богатства самобытной национальной культуры, выдвинули из своей среды сотни и тысячи одаренных людей.

В городе Чадане недавно осно-

ван народный театр. На его сцене выступают любители. Их сорок человек. И это не только горожане — большинство самодеятельных актеров из отдаленных сумонов. Кто же они? Колхозник Максим Такпай из сумона Ийма — лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов: его песни полюбили на концертах в Москве. Колхозный столяр Манчакай Сат, сельские библиотекари Иргит Сара и Куулар Огал, учитель Гарий Прокураторов — да разве перечислишь всех! Пока коллектив ограничивается небольшими скетчами, концертными выступлениями. Но уже готовится спектакль на местную тему...

Вечером. Солнце спустилось за горы, багровое и холодное. Его лучи пробиваются сквозь густую сетку ветвей.

Зеленые насаждения — это новое. Еще недавно на улице не было ни единого деревца, вся она утопала в пыли. Неузнаваем стал Чадан. Деревья и кусты — переселенцы из тайги, скрываю от глаз дома. И это не только здесь. Поселок Суг-Аксы, центр соседнего Сут-Хольского района, начал одеваться в зеленый наряд весной прошлого года. Первый тополь на главной улице посадил секретарь райкома партии Семен Хунаевич Семен. Его примеру последовали все жители поселка.

Радио разносит по Суг-Аксы душевную, немного грустную песню

«Соглеп Бөрөм» («Скажи мне»), написанную местным композитором Солан Базыр-оолом.

— Это Тамара Сат, артистка Кызылского театра, — говорит шофер Лукарак. — Ее ни с кем не спутаешь. — И добавил с сожалением:

— Плохо только, что Тамару Сат и других артистов можно увидеть лишь в Кызыле. К нам, в район, они приезжают раз в год по обещанию.

В окрестностях селения Бору-Тайга не видно тайги, нет признаков леса. С севера, запада и юга деревню обступили горы. По утрам они серо-зеленые, днем то лиловые, то серебристо-бурые. Вечером на их вершины садится туман, подобный белой чалме. И тогда в деревне вспыхивает свет.

В колхозе своя электростанция. Давно ли о лампочке Ильича араты знали только по рассказам, а теперь электричество прочно вошло в быт народа.

Почти во всех колхозах области построены теперь типовые клубы со стационарными киноустановками, с просторными зрительными залами и комнатами для кружковой работы.

СРЕДИ областных столиц нашей страны Кызыл с полным правом можно назвать одним из самых молодых. Еще совсем недавно город был деревянным, с пятью каменными домами. По окраинам

стояли юрты. Весь Кызыл можно было обойти за каких-нибудь полчаса.

Сейчас этого времени не хватит, даже если вы на автобусе пересечете из конца в конец разросшийся областной центр. Его жители и не представляют себе своего города без новых жилых домов, без институтов и кинеров.

Кызыл растет не по дням, а по часам. И тем более обидно, что в его культурном строительстве есть заметные даже на первый взгляд недостатки. Обидно, например, что областной музыкально-драматический театр ютится в старом, мало приспособленном помещении. Весьма ограничены возможности сцены, на ней нет ни круга, ни карманов, ни колосников наверху. Театру нужно новое здание, в котором были бы нормальные условия для работы творческого коллектива.

...На аэровокзале в Кызыле оживленно беседуют пассажиры. В их разговорах не чувствуется ни напряженности, ни суеты, какие оладевают при отъезде в дальнюю дорогу. Впрочем, так ли далек Кызыл от Москвы, от других промышленных и культурных центров страны? Сав утром в самолет, тувинцы уже к вечеру смогут побывать на московской улице Горького. Тува близка, она живет единой жизнью со всей Советской страной — это, пожалуй, самое радостное ощущение, которое уносишь, побывав в гостях у тувинского народа.

М. ЭВЕНТОВ.

КЫЗЫЛ,
Тувинская автономная область.